

БЕРЕГОВСКАЯ Э. М.

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗЕВГМЫ КАК РИТОРИЧЕСКОЙ ФИГУРЫ

Заметно возросший в последние десятилетия интерес к теоретическим проблемам риторики, появление трудов общего характера, в которых система тропов и фигур показана в свете современных лингвистических представлений [1—3], заставляют внимательно присмотреться к отдельным звеньям этой системы, особенно к таким малоисследованным, как зевгма. Упоминание о зевгме мы встречаем у Анаксимена в его рекомендациях «Желающему говорить кратко» [4, с. 172], а Квинтилиан довольно подробно описывает ее среди прочих фигур, образуемых путем сокращения [4, с. 268]. Зевгму учитывают, когда предметом исследования является игра слов [5, с. 28] и вообще комическое [6, с. 10; 7, с. 17—18], прием перечисления [8, с. 14 и сл.; 9, с. 22], окказиональное сочинение [10, с. 149 и сл.], синтаксическая конвергенция [11, с. 81 и сл.], семантические сдвиги [12, с. 108 и сл.] Имеется диссертация, посвященная зевгме в произведениях Корнелия и Расина [13]. Однако до сих пор нет полной ясности относительно сути и сфер использования этой риторической фигуры. Термином «зевгма» называются самые различные речевые феномены. Существуют термины, синонимичные термину «зевгма», но эти термины-синонимы («аттеллага», «окказиональное сочинение») употребляются еще и в других значениях. Назрела необходимость скоординировать и обобщить накопленные данные о зевгме.

Ограничиваясь только современными трактовками этого феномена, мы обнаруживаем, что под зевгмой понимаются два разных явления. В чисто грамматическом плане зевгма рассматривается как отсутствие повтора, продиктованное лишь стремлением к экономии. Так трактуется зевгма у О. Ахмановой, А. Квятковского. Ж. Марузо, Ж. Дюбуа, Ж.-Ф. Фелизона, П. Робера, Г. Варига [14—20]. Приведем одно такое определение: «Зевгмой называется конструкция, при которой в нескольких следующих друг за другом и одинаково организованных высказываниях один из членов предложения употребляется только раз, как во фразе *Один взял лопату, другой заступ, а третий грабли*» [17]. Вторая трактовка, стилистическая, гораздо более распространена в многочисленных дефинициях зевгмы. В качестве примера можно сослаться на определение, которое дает Оксфордский словарь английского языка: «фигура, заключающаяся в том, что одно слово связывается с двумя или несколькими словами, а по смыслу относится только к одному из них или относится к ним в разных смыслах» [21]. Во французском словаре *Lexis* зевгма определяется как прием, который состоит в грамматическом связывании двух или нескольких существительных с одним глаголом или одним прилагательным, логически относящимся лишь к одному из существительных [22], а Ц. Тодоров предлагает такую формулировку: «Зевгма — грамматическое согласование двух слов, которые обладают оппозитивными семами, например, „абстрактное“ и „конкретное“» [23]. Аналогичным образом трактуется зевгма и в других работах (см., например, [24—26; 27, с. 259; 28, с. 319; 29, с. 180; 3, с. 153; 30 с. 150]). Такая трактовка предполагает синтаксическую конструкцию, обладающую значительной экспрессивной потенцией. На этой конструкции, которую Лаусберг назвал «семантически осложненной зевгмой» [31, с. 347], мы и сосредоточим свое внимание.

Существующие определения семантически осложненной зевгмы, в целом адекватно описывая один и тот же лингвистический объект, не мо-

гут все-таки считаться безусловно удовлетворительными: они либо опускают какие-то существенные моменты, либо, стремясь к полноте, вводят в дефиницию описание возможных семантических и морфо-синтаксических моделей реализации этой фигуры. Таким образом, дефиниция оказывается перегруженной необязательными признаками, не достигая тем не менее исчерпывающей полноты: возможных моделей реализации зевгмы слишком много, чтобы их можно было все отразить в определении.

Анализ большого количества дефиниций позволяет выделить набор признаков, который обязателен для зевгматической конструкции, понимаемой как стилистическая фигура: 1) наличие паратактического ряда — цепочки грамматически однородных членов предложения: «*Mr Dombey, and the Major, and the breakfast were awaiting the ladies*» (Ch. Dickens, *Dombey and son*)¹; 2) семантическая неоднородность этих грамматически однородных слов (наличие в них оппозитивных сем): например, «одушевленное» — «неодушевленное» (*Mr Dombey, the Major — the breakfast*); 3) наличие в конструкции ядерного слова, не входящего в данный паратактический ряд и связанного гипотактическими отношениями с каждым из его членов: *Mr Dombey, and the Major, and the breakfast were a w a i t i n g = Mr Dombey was awaiting, and the Major was awaiting, and the breakfast was awaiting*; 4) одновременная актуализация в многозначном ядерном слове минимум двух разных значений или смысловых оттенков: *to await* «находиться где-либо некоторое время, зная заранее о появлении кого-либо» и «быть приготовленным для кого-либо». Объединяя все эти релевантные признаки, мы можем предложить следующее определение: зевгма — это экспрессивная синтаксическая конструкция, которая состоит из ядерного слова и зависящих от него однородных членов предложения, равноценных грамматически, но семантически разноплановых, вследствие чего в многозначном ядерном слове одновременно актуализируются минимум два разных значения или смысловых оттенка.

Место зевгмы в разных классификациях фигур обусловлено ее семантической противоречивостью и сложностью. В классификации Ж. Дюбуа [1, с. 122] зевгма попадает в класс метасемем, образованных в результате присоединения. Причем поскольку контекст сообщения не только не снимает полисемии ядерного слова, но, напротив, обуславливает одновременную актуализацию² всех сем в совокупности и возникновение двух смыслов, Дюбуа причисляет зевгму вместе с каламбуром и другими фигурами, которые дают сложную игру смыслов, к отдельной группе «архилексем». Ю. М. Скребнев [3, с. 127] на том основании, что в зевгме имеет место семантическое усложнение, включает ее в класс фигур неравенства. Для него зевгма составляет предмет синтагматической семасиологии, которая рассматривает все фигуры, совмещения, т. е. фигуры тождества, фигуры неравенства и фигуры противоположности.

Поскольку зевгма, как и прочие синтаксические фигуры, является универсалией (в смысле Р. Якобсона), при ее изучении необходимо учитывать разноязычный материал. Данное описание зевгмы основывается на анализе 500 собранных примеров на русском, французском, английском и немецком языках.

Наблюдения над морфологическим составом зевгматической конструкции показывают, что наиболее типичной морфологической моделью является конструкция «глагол в качестве ядерного слова с паратактической цепочкой из существительных». Эта модель чаще всего встречается в двух модификациях, с прямо-переходным и с косвенно-переходным глаголом: 1) «...*je l'aiderai, je lui prendrai son paquet, sa fatigue, ses malheurs*» (J.-P. Sartre, *La mort dans l'âme*); «*Medora took heart, a cheap hall bedroom, and two art lessons a week*» (O. Henry, *The Voice of the City*); 2) «Читал, выписывал, справлялся, *И в книгах рыл с я, и в грядках*» (И. Крылов, *Огородник и философ*); «*Gott, wie elend sah er (er Kanonikus) aus, als ich ihn zuletzt sah Er best and nur noch aus Geist und Pflaster...*» (H. Heine, *Ideen*). Затем идут следующие модели (в порядке

¹ В примерах разрядка и курсив всюду наши. — Б. Э.

убывания частоты): 3) существительное в роли ядерного слова с цепочкой, состоящей тоже из существительных: «У заместителя директора меня выслушала секретарша, так как заместитель принимал кого-то по о б м е н у не то *опытом*, не то *квартирой*» (Г. Стопка, Слабохарактерный человек); «They had met at the table d'hôte of an Eight Street „Delmonico's“ and found their t a s t e s in art, chicorey salad and bishop sleeves so congenial that joint studio resulted» (О. Henry, The Trimmed Lamp); 4) непреходящий глагол с зависящей от него цепочкой существительных: «Паровоз и проводница взвыли одновременно» (Н. Думбадзе, Солнечная ночь); «Après que la rosée de cave eut humecté doucement nos gésiers..., nos âmes s' é p a n o u i r e n t, et nos faces aussi (R. Rolland, Colas Breugnon); 5) прилагательное с цепочкой существительных: «*Водопады и тигры* ее с в и р е п ы, /*Травы и овцы* ее — д о б р ы» (Е. Винокуров, Природа); «Die Stadt Göttingen, b e r ü h m t durch ihre *Würste* und *Universität*, gehört dem König von Hannover...» (Н. Heine, Die Harzreise). Наиболее редкие морфологические модели зевгмы образуются вокруг деепричастия и наречия в качестве ядерного слова.

В подавляющем большинстве случаев паратактический ряд имеет аналогичный морфологический состав. Если в роли ядерного слова может выступать знаменательное слово любой грамматической категории (при преобладании глагола — 71%), то в управляемой цепочке мы встречаем почти исключительно существительные. Поэтому употребительность той или иной морфологической модели зевгмы определяется, как правило, ее ядерным словом.

Набор синтаксических моделей, в которых реализуется зевгма, довольно велик. В собранном нами русском материале, к примеру, их встретилось 23. во французском — 26. Анализ обнаруженных в литературных текстах 500 случаев показывает, что в построении зевгмы может участвовать любой член предложения в качестве ядерного слова в сочетании с любыми другими двумя или несколькими членами предложения, если они обладают синтаксической однородностью. Две наиболее частотные в нашем разноязычном материале синтаксические модели — следующие: 1) сказуемое в функции ядерного слова с цепочкой прямых дополнений: «Долго он торговался с ними, просил за розыск алтын да деньгу, голово-тыпы же да в а л и г р о ш да *животы* свои в придачу (М. Салтыков-Щедрин, История одного города); Er v e r k n i f f *die Augen* und jede *Antwort* (E. E. Kisch, Repotagen); «It was past twelve before he t o o k his *candle* and his radiant *face* o u t of the room (Ch. Dickens, Bleak House); 2) Сказуемое в функции ядерного слова с цепочкой косвенных дополнений: «Буржуем не сделаешься с бритвенной точки. Б е г у т без *бород* и без *выражений* на лице (В. Маяковский, Барышня и Вульворт); «Que tu s o i s en *Chrï-sler* ou en *savates*, Paris est à toi» (R. Fallet, Les pas perdus). Кроме этих двух наиболее частотных моделей, необходимо указать на: 3) сказуемое в функции ядерного слова с цепочкой подлежащих: «Еще не тронутый городок закусок стоял на столе в ожидании нашествия. С и я л и женские *лица* и *апельсины*» (Ф. Искандер, Дерево детства); «Le terme étant venu, M. Bergeret quittait avec sa soeur et sa fille la vieille maison de la rue de Seine <...> Ainsi en a v a i e n t décidé Zoé et *les destins*» (A. France, Riquet); «In the Big City large and sudden things happen...: the elevator cable or your bank b r e a k s, a table d'hôte or your wife d i s a g r e e s with you» (О. Henry, The Voice of the City); 4) определение в функции ядерного слова с цепочкой косвенных дополнений: «... дочка, стройная меланхолическая девушка лет семнадцати, в о с п и т а н н а я на *рома-нах* и на чистом *воздухе*» (А. Пушкин, Роман в письмах); «Des Anglais, jouissant comme de vrais pendus, se cuvent, p l e i n s de *stout* et de *béati-tude*» (T. Corbière, Le Bossu Bitor); 5) прямое дополнение в функции ядерного слова с цепочкой косвенных дополнений: «Внимаю ш у м мла-дого *дня* и молодой *надежды*» (А. Фет, Я полон дум...); «Je suis fils de Pandore, j'aime lever le s o u v e r c l e de toutes *boîtes*, de toutes *âmes*... (R. Rolland, Colas Breugnon); 6) две сращенные фразы, построенные по принципу синтаксического параллелизма и имеющие общее сказуемое —

глагольное или именное: «Вас п о л о ж а т на обеденный, / А меня — на письменный» (М. Цветаева, Квиты, вами я обьедена); «Он был рыцарь, а я — простак. / Он был мудрый, а я — дурак. И он век свой п р о ж и л с мечтой, — Ну, а я — со своей женой» (Ф. Кривин, Дон Кихот); «Son corps n a g e a i t dans l'eau verte, et son esprit dans l'opulence» (H. Troyat, Carnet vert); «Zwei Mädchen lagen am Waldessaum / und schliefen sanft im Grase. / Die eine h a t t e 'nen schönen Traum, / die andere 'ne häßliche Nase» (H. Seydel, Alles Unsinn). Примерно 78% собранных зевгматических конструкций построены по описанным выше шести моделям, причем первая из них настолько продуктивна, что на ее долю приходится треть нашего материала, а зевгматические конструкции, построенные по трем первым моделям вместе взятым, занимают в обследованном материале в среднем 66%.

Особо следует отметить те немногочисленные, но интересные случаи, когда управляемая цепочка представляет собой не набор синтаксически однородных элементов, а лишь морфологическую имитацию синтаксической однородности: «...Vous rencontrez une personne plus âgée que vous qui vous demande en mariage, mais soit *par intérêt*, soit *par un clair matin de printemps*, vous *l* r e f u s e z la main» (P. Dac, L'os à moelle); «But Mr Tushar was one of the officiants and r e a d from the eagle in an authoritative voice and a great black *periwig*» (W. Thackeray, Henry Esmond). В этих случаях «морфологической мимикрии» симметричность морфологического состава управляемой цепочки, подчеркивая асимметричность ее синтаксической структуры (обстоятельство причины и обстоятельство времени — в 1-м, обстоятельство образа действия и косвенное дополнение — во 2-м), является основным средством организации каламбурной игры.

Теперь мы можем уточнить, что представляет собой грамматическая однородность управляемой цепочки, которая входит в определение как релевантный признак зевгмы. Здесь возможны три случая: 1) частичная морфологическая однородность при полной синтаксической однородности компонентов управляемой цепочки; 2) полная морфологическая и синтаксическая однородность; 3) полная морфологическая однородность при неоднородности синтаксической.

Говоря о семантическом аспекте зевгмы, надо прежде всего четко осознавать, что речь идет о смысловых отношениях, которые связывают минимум три компонента высказывания: ядро с каждым из двух звеньев зевгматической цепочки и эти отдельные звенья друг с другом. Существенны все три семантические связи внутри зевгмы, все они охватываются при восприятии одновременно, нерасчлененно. Ядерное слово выступает в роли некоего общего узла, сочленяющего два разных изотопических плана, к которым принадлежат два звена зевгматической цепочки. Более или менее искусно создаваемая контекстом принадлежность ядерного слова к двум разным изотопиям — непременное условие построения зевгмы. Возникающая при этом одновременная актуализация двух значений представляет собой частный случай гиперсемантизации, свойственной художественной речи: «Функция стилистического контекста состоит не в том, чтобы снять многозначность — это функция лингвистического контекста, а, напротив, в том, чтобы добавить новые значения, завися от комбинаторных приращений смысла» [32, с. 75].

Реализующимися в ядерном слове разными элементарными значениями могут быть: главное и второстепенное «Es ist leichter einem Kinde zehn Mark, als ein gutes Beispiel zu g e b e n» (Eulenspiegel, 1959, N 24); The middle-aged lady rushed in terror from the room, out of which Mr Tupman dragged Mr Pickwick, l e a v i n g Mr Peter Magnus to himself and meditation» (Ch. Dickens, The Pickwick papers); п р я м о е и п е р е н о с н о е: «Похоронный марш и дождевую воду трубы л ь ю т и л ь ю т...» (Е. Винокуров, Флейтист); «...wir leben in einer anderen Zeit, unsere Mäcenaten haben ganz andere Prinzipien, sie glauben, Autoren und Mispeln g e d e i h e n am besten wenn sie einige Zeit auf dem Stroh liegen» (H. Heine, Ideen); свободное и фразеологическое:

(Mr Pickwick took a seat and the paper» (Ch. Dickens, The Pickwick papers).

Во многих случаях речь может идти не о разных значениях ядерного слова, а лишь о каких-то тонких, едва уловимых смысловых нюансах лексико-семантических вариантов: «Nous vivions d'amour et d'eau fraîche» (J. Prévert, La Pluie et le beau temps); «Дым, облако и птица/Летят неторопливо» (Д. Самойлов, Равноденствие).

Семантические связи, соединяющие между собой отдельные звенья зевгматической цепочки, основаны на резком отклонении от нормы. Если вообще однородные члены предложения однородны не только грамматически, но и семантически, обозначая вещественно сходные денотаты, то зевгматическая конструкция предполагает, при соблюдении правил грамматической когерентности, нарушение логической когерентности текста.

По степени семантической когерентности можно выделить три типа зевгмы: слабый, сильный и парадоксальный.

С л а б ы й т и п. В ядерном слове реализуются одновременно не разные словарно зафиксированные значения, а только едва уловимые семантические нюансы. В управляемой цепочке — ощутимая семантическая неоднородность при полной синтаксической и полной или частичной морфологической однородности: «Доктор с озабоченным лицом, подающий надежду на кризис; часто имеет палку с набалдашником и лысину» (А. Чехов, Что чаще всего встречается в романе); «La poussière et les mouches s'élevaient de la route» (R. Rolland, Colas Breugnon); «Apfeltörtchen waren nämlich damals meine Passion — jetzt ist es Liebe, Wahrheit, Freiheit und Krebsuppe...» (H. Heine, Die Harzreise). К слабому типу часто относятся зевгмы, ядерное слово которых имеет значение обладания или указывает на состав.

С и л ь н ы й т и п. В ядерном слове одновременно реализуются словарно зафиксированные разные значения. В управляемой цепочке при полной синтаксической и полной или частичной морфологической однородности ощутимая семантическая разнородность: «Любовью, грязью иль колесами/Она раздавлена — все больно» (А. Блок, На железной дороге).

П а р а д о к с а л ь н ы й т и п. Ядерное слово может реализовать разные значения, а может быть и однозначно. В управляемой цепочке при полной или почти полной морфологической однородности наблюдается полная синтаксическая неоднородность или, наоборот, полная синтаксическая однородность при полной морфологической неоднородности, что влечет за собой резкую семантическую несовместимость (*reductio ad absurdum*): «Требование было до того настойчивое, что она принуждена была встать с своего ложа в негодовании и в папилотках...» (Ф. Достоевский, Бесы). К парадоксальному типу следует отнести и те зевгмы, в которых оба члена управляемой цепочки включают ядерное слово в два разных фразеологических единства или сращения, способствуя таким образом одновременной реализации в нем двух разных фразеологических значений: «Mr Trundle was in high feather and spirits» (Ch. Dickens, The Pickwick papers).

Невозможно уяснить себе природу зевгмы, если оставаться в рамках исключительно формальной интерпретации связанности. Суть этого стилистического приема в том и состоит, что зевгма, не нарушая синтаксической связанности текста, нарушает, как мы видели, более или менее резко его смысловую связанность. Как правило, зевгма разворачивается в пределах одной фразы. Фраза эта может быть очень распространенной, и зевгма занимает в ней тогда скромное место частной детали, сообщая какую-то яркую, заметную, но второстепенную информацию, как например, в портретных характеристиках в повести Р. Роллана «Кола Брюньон»: «C'est ainsi que je fis, un soir de la fin d'août, connaissance avec elle, la Belotte, la Belette, la belle jardinière Belette on la nommait, pour ce que comme l'autre, la dame au museau pointu, elle avait le corps long, et la tête menue, nez rusé de Picarde, bouche avançant un peu et bien fendue

en fourche, pour rire et pour r o n g e r les coeurs et les noisettes». В других случаях зевгма занимает всю фразу целиком и удельный ее вес значительно возрастает: *Il p o r t a i t un grand nez et des bottinnes à boutons* (Н. Вази), *Vipère au poing*).

Вероятно, зевгма как стилистический прием родилась из языковой ошибки в спонтанной речи — из нарушения стандартной семантической сочетаемости. Стилистический (в частности, комический) эффект может тут возникнуть лишь в восприятии второго коммуниканта-адресата при совпадении двух условий: 1) второй коммуникант — достаточно образованный человек и хорошо владеет системой данного языка (иначе он не заметит нарушения); 2) у него есть чувство юмора (иначе он воспримет нарушение семантической сочетаемости только как ошибку, а не как нечто комическое).

Причиной речевой ошибки не обязательно является семантический сдвиг. Здесь возможны три случая: 1) говорящий четко представляет себе, что значит каждая лексема, но не знает правил семантической сочетаемости и нарушает тот или иной семантический запрет: «*Au Ve siècle, la Gaule fut conquise par Clovis. Il chassa les Romains et les sangliers*» (Jean-Charles, *Foire aux cancre*); 2) говорящий ошибается в выборе слова, употребляя вместо нужной по смыслу лексической единицы ее пароним: «Она будоражит нас своей неуспокоенностью, вечным поиском справедливости и удивительной безвредностью» (из стенной газеты); 3) говорящий не справляется с конструированием синтаксического каркаса фразы, в частности, неправильно строит эллиipsis: «*Nous organisons le mois prochain une grande vente de charité. Nous comptons sur vous pour amener tous les objets inutiles qui se trouvent chez vous: livres, bibelots, vêtements et aussi naturellement vos maris*» (Jean-Charles, *Foire aux cancre*).

Возникшая как *lapsus linguae* зевгма появляется в ходячей шутке (например, *Я пил чай с барышней, с лимоном и с удовольствием; Ah! — dit-il en riant et en portugais*), проскальзывает в спонтанной речи записных остроловов как неожиданный поворот в диалоге, как удачно сказанное *mot*, которое подхватывается окружающими. Из бытовой речи зевгма переходит в художественную, прежде всего как имитация забавной речевой ошибки. Такой случай представляет стихотворение Ж. Превера «*Composition française*»: «*Tout jeune Napoléon était très maigre et officier d'artillerie/plus tard il devint empereur/alors il prit du ventre et beaucoup de pays*».

В прямой речи возможна и другая ситуация: персонаж употребляет зевгму, осознавая производимый ею комический эффект. У Ростана в монологе Сирано, который мечтает умереть за благородное дело с остротой на устах, эта осознанность выражена даже эксплицитно: «*Tomber la pointe au coeur en même temps qu'aux lèvres*» (E. Rostand, *Cyranode de Bergerac*).

Таким образом, в прямой речи зевгма может производить двойкий эффект в соответствии с прагматическим аспектом высказывания, т. е. в зависимости от того, есть ли у говорящего, по замыслу автора, комическая интенция или нет: в случае неосознанности употребления зевгмы читателя как бы приглашают посмеяться над персонажем, а в случае осознанного употребления — посмеяться вместе с персонажем.

В авторской речи зевгма способна передавать все оттенки комического — от мягкого юмора и непритязательно-забавного бурлеска до сатиры, как в стихотворении Превера «*La Crosse en l'air*», где зевгма, в которой ядерное слово одновременно входит во фразеологическое сращение и фразеологическое единство, создает выразительный коллективный портрет снобов, высокопарно, претенциозно ведущих абсолютно бессодержательные разговоры («*Ils parlent... ils parlent du nez/de la pluie et du beau temps*»), и сарказма, как в миниатюре Аполлинера «*Блоха*»: «*Puces, amis, amantes m'ême/qu'ils sont cruels ceux qui nous aiment*».

Благодаря способности гиперболически подчеркивать и заострять нарушения, обрывы в семантической когерентности текста зевгма нередко появляется в пародии, эпиграмме, юмористическом рассказе, фельетоне (ср. пародию на басню Лафонтена: «*Un poète, ayant rimé,/imprimé/ vit sa*

muse dépourvue/De marraine, et presque nue: Pas le plus petit morceau/De vers... ou de vermisseau) (Т. Corbière, *Le poète et la cigale*).

Принято считать, что комизм — чуть ли не единственный возможный эффект от употребления зевгмы (см., например, [27, с. 259]. Это не так. Зевгма в высшей степени органична для поэтического ассоциативного восприятия и отражения окружающего мира. Поэтому наряду с юмористическими произведениями она появляется и в лирике, передавая самые разные эмоциональные переживания и ситуации, вплоть до драматических.

Зевгма позволяет поэту, следуя своей поэтической логике, выразить череду сменяющих друг друга ассоциативных образов: «Драмой пахнет, миндалем, изменой,/Приближеньем Страшного суда» (А. Межиров, *Под старым небом*). Зевгму можно встретить изредка в разных функциональных стилях, например, в эпистолярном: «...суворинский „Вопрос“ идет в Петербурге с Савиной и с большим успехом» (А. Чехов — О. Книшпер-Чеховой); в научном стиле (гуманитарные науки): «*Les Benedictins avaient défriché la terre et l'esprit des Barbares*» (Н. Michelet, *Histoire de France*); в публицистическом: «Мы путешествуем, не путешествуя, мы читаем, не читая. Нам без тяжелой работы души и тела достаются вещи, для достижения которых наши прадеды изнашивали сердца и башмаки» (Е. Богат, *О Шиллере, о славе, о любви*). Но в рамках всех этих стилей зевгма встречается чрезвычайно редко. Приведенные выше примеры — исключения, лишь подчеркивающие общую закономерность: стихия зевгмы — художественная речь. Однако и в художественной речи зевгма — явление довольно редкое. Но есть писатели — и поэты, и прозаики, которых привлекает внутренняя семантическая асимметрия этого приема, подчеркнутая его внешней симметричностью. Можно назвать Ч. Диккенса, О. Генри, Г. Гейне, Р. Роллана, Э. Базена, Ж. Превера, А. Вознесенского. На общем литературном фоне произведения названных выше писателей резко выделяются: в повести Роллана «Кола Брюньон», например, 34 зевгмы, в романе Диккенса «Домби и сын» их 24, в сборнике Вознесенского «Тень звука» — 17, у Гейне в небольшом произведении «Идеи. Книга Легран» — 13, у Генри то и дело встречаются в повеллах констелляции зевгм. Пристрастие к зевгме становится одним из характерных, релевантных признаков индивидуального стиля.

Среди тропов и фигур есть более и менее обусловленные. Метонимия или асиндетон, скажем, обусловлены лишь в одном отношении: метонимия — только семантически (перенос значения по смежности), асиндетон — только структурно (бессоюзное паратактическое соединение). Другие тропы и фигуры (такие, как сравнение, сегментация или риторический вопрос) обусловлены гораздо сильнее: сравнение обусловлено семантически (предмет сравнения и собственно сравнение должны иметь как минимум один общий признак — основание сравнения) и структурно (момент сопоставления двух предметов или понятий должен быть выражен формально, обязательным компонентом сравнения является союз *как* или его заменители — при отсутствии этого компонента получается уже не сравнение, а двучленная метафора). Сегментация обусловлена структурно (специфическое обособление одного из членов предложения с разрывом каркаса фразы) и морфологически (обязательное наличие в составе предложения местоимения, заменяющего обособленный член). Риторический вопрос обусловлен структурно (это обязательно вопросительное предложение) и семантически (он должен выражать отрицание того, что означает соответствующая утвердительная фраза в состоянии синтаксического покоя, или утверждение, если в состоянии синтаксического покоя она содержит отрицание). Зевгма, как мы постарались показать, максимально обусловлена — и семантически, и морфологически, и структурно.

Следующая таблица отражает степень обусловленности наиболее известных тропов и фигур (см. с. 66).

Из таблицы видно, что стилистические приемы делятся на четыре группы: 1) тропы, обусловленные только семантически — метонимия, гипербола, литота, ирония;

2) фигуры, обусловленные только структурно — перечисление, полисиндетон, асиндетон, синтаксический параллелизм, простой хиазм;

3) фигуры и тропы, обусловленные семантически и структурно (это самая многочисленная группа): сравнение, метафора, силлепс, повтор, градация, антитеза, риторический вопрос, семантически осложненный хиазм. Сюда же следует отнести и сегментацию, обусловленную структурно и морфологически;

4) зевгма вместе с катакрезой и оксюморонами, которые обусловлены и семантически, и морфологически, и структурно, образует как бы промежуточную группу между тропами и фигурами.

Стилистический эффект зевгмы зависит именно от ее тройной обусловленности. Если разрушить это единство, стилистический эффект пропадает. Достаточно, к примеру, немного трансформировать фразу из «Бесов»

Таблица

Тропы и фигуры	семантически обусловленные	структурно обусловленные	морфологически обусловленные
сравнение	+	+	—
метафора	+	+	—
метонимия	+	—	—
гипербола	+	—	—
литота	+	—	—
ирония	+	—	—
перифраза	+	+	—
силлепс	+	+	—
катакреза	+	+	+
оксюморон	+	+	+
зевгма	+	+	+
повтор	+	+	—
градация	+	+	—
антитеза	+	+	—
полисиндетон	—	+	—
асиндетон	—	+	—
перечисление	—	+	—
синтаксический параллелизм	—	+	—
простой хиазм	—	+	—
семантически осложненный хиазм	+	+	—
сегментация	—	+	+
риторический вопрос	+	+	—

Достоевского «...она принуждена была встать с своего ложа в негодовании и папильотках», ликвидировав зевгматическую конструкцию, и комический эффект совершенно исчезнет: *она принуждена была, негодуя, встать со своего ложа в папильотках* или *она принуждена была, не снимая папилюток, встать в негодовании со своего ложа...*

Модальная сторона содержащего зевгму микроконтекста весомее, чем референционная. Искусственность всей конструкции, нарочитая алогичность связи между компонентами паратактического ряда переносит акцент с референционного на модальный аспект высказывания. Если генетически зевгму можно рассматривать как проявление принципа экономии в речи, на который наложилась семантическая аномалия, то с точки зрения ее стилистического функционирования зевгму можно трактовать как фигуру, в которой запрограммировано «обманутое ожидание» (в смысле М. Риффатера). Обычно читательское ожидание нагнетается в пределах абзаца, главы, произведения. В зевгме же оно и нарастает, и разрешается в пределах одного словосочетания. Зевгма — самая лапидарная форма реализации эффекта «обманутого ожидания».

ЛИТЕРАТУРА

1. Dubois J. et al. Rhétorique générale. Paris, 1970.
2. Todorov T. Tropes et figures. — In: To honor R. Jacobson. The Hague — Paris, 1967.
3. Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975.

4. Античные теории языка и стиля. Под ред. Фрейденберг. О. М. Л., 1936.
5. Guiraud P. Les jeux de mots. Paris, 1967.
6. Соловьян В. А. Языково-стилистические средства сатиры в немецком языке. Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1960.
7. Максименко Е. В. Языковые средства создания комического в современной французской прозе: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Киев, 1983.
8. Ветвинская Т. Л. Перечисление как стилистический прием: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Киев, 1970.
9. Левашова В. А. Лингвистическая природа и функционирование стилистического приема перечисления: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1977.
10. Ковалев В. П. Язык и выразительные средства русской художественной прозы. Киев, 1981.
11. Обнорская М. Е. Синтаксические конвергенции.— Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1972, т. 491.
12. Todorov T. Les anomalies sémantiques.— In: Langages. 1. Paris, 1966.
13. Stephany H.-I. Das «semantisch komplizierte Zeugma» bei Corneille und Racine. Köln, 1970.
14. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
15. Квятковский А. Поэтический словарь. М., 1966.
16. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов М., 1960.
17. Dubois J., Giacomo M., Guespin L. et al. Dictionnaire de linguistique. Paris, 1973.
18. Phelizon J.-F. Vocabulaire de la linguistique. Paris, 1976.
19. Robert P. «Petit Robert» Dictionnaire de la langue française. Paris, 1977.
20. Wahrig C. Deutsches Wörterbuch. Güterslohn, 1971.
21. The Oxford English Dictionary. V. XII. Oxford, 1970.
22. Lexis. Dictionnaire de la langue française. Paris, 1975.
23. Ducrot O., Todorov T. Dictionnaire encyclopédique des sciences du langage. Paris, 1972.
24. The Random House college dictionary. New York, 1975.
25. Grand Larousse Encyclopedique. T. X. Paris, 1964.
26. Krahl S., Kurz J. Kleines Wörterbuch der Stilkunde. Leipzig, 1977.
27. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. М., 1975.
28. Sowinski B. Deutsche Stilistik. Frankfurt am Main, 1973.
29. Fleischer W., Michel G. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. Berlin, 1977.
30. Galperin I. R. Stilistics. М., 1977.
31. Lausberg H. Handbuch der literarischen Rhetorik. München, 1960.
32. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Л., 1974.